

СОЧЕТАНИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЙ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ В КОМИ-ЗЫРЯНСКОМ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКАХ

О.И. Некрасова,
научный сотрудник ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
Lesik3108@yandex.ru

В работах, посвященных сравнительному изучению синтаксических конструкций с формами глагола (глагол с инфинитивом) в финно-угорских языках, а именно в коми и финском (Дубровина 1990, 2016; Лудыкова 1984; 1990; 2012), выявляется полное совпадение синтаксических функций финского III, или *m*-ового, инфинитива и так называемого *m*-ового инфинитива коми-зырянского языка, которые, сочетаясь с глаголами опреде-

ленных лексико-семантических групп и подчиняясь закону соотнесенности, обозначают действие субъекта непереходного глагола и в предложении выступают в функции сказуемого (Дубровина 2016: 433; Лудыкова 2012: 118–127). В составе конструкции инфинитив выступает как основной носитель лексического значения, а глагол, от которого он зависит, согласуется с подлежащим в лице и числе, а также выполняет грамматическую функцию выражения времени, залога и т.п. (Дубровина 2016: 433).

Вследствие дискуссионности вопроса относительно трактовки природы *м*-овых образований в коми-зырянском языке необходимо привести также мнение Е.А. Цыпанова, считающего, что не стоит выделять в коми языке II (*м*-овый) инфинитив по аналогии с финскими грамматиками, так как «в коми языке мы имеем дело с рассматриваемыми именами (отглагольными) в предикативной функции, в сочетании с определенными глаголами» и далее «подобные коми сочетания, типологически близкие финским, генетически им не родственны. Они возникли в процессе десемантизации финитных глаголов, перерастания глагольно-именных словосочетаний в устойчивые и выполняют в предложении предикативную функцию» (Цыпанов 1997: 34), исследователь приводит аналогичные сочетания из удмуртского языка, а также с другим отглагольным именем – на *-ан*.

Одну из самых многочисленных лексико-семантических групп глаголов, сочетающихся с инфинитивами финского, коми-зырянского языков в указанных конструкциях составляют глаголы движения, например, фин. *tappä* 'идти, отправляться', *tulla* 'приходить', к-з. *вуджны* 'переезжать', *уськӧтчыны* 'бросаться', *лэччысьны* 'погружаться' и т.д. В ряд таких конструкций коми-зырянского языка включаются также сочетания непереходного лексически ослабленного глагола движения *воны* 'доходить до чего-либо' с *м*-овым инфинитивом в форме предельного падежа (терминатива) с показателем *-ӧдз*, например, *Сэсся и тӧдмасьӧмӧдз воим* 'Затем и познакомились' (Дубровина, Лудыкова 1990: 64). Субъект действия, выраженного *м*-овым инфинитивом, является и субъектом действия, выраженного вспомогательным глаголом. Спрягаемая форма глагола и *м*-овый инфинитив являются единым, нерасчлененным членом предложения – составным сказуемым (Лудыкова 2012: 120). В конструкции инфинитив в терминативной форме указывает на то, что выраженное им действие доводится до определенного предела, до определенного результата (Лудыкова, 2012: 127), глагол движения в большей степени используется для обозначения начала действия (Лудыкова 2012: 116).

Дальнейшее исследование коми-зырянского и коми-пермяцкого языков выявило альтернативные конструкции глагола движения кз. *воны* 'прибыть, прийти; дойти', к-п. *локны* 'идти, двигаться', *вовлыны* 'приходить,

ходить' с деепричастием на *-тöдз*, функцию которых в предложении также следует трактовать как сказуемое (предикат). Им посвящена настоящая статья, так как подобные сочетания в грамматиках и исследованиях коми языков ранее не фиксировались, хотя в коми-зырянском и коми-пермяцком языках функционирует сказуемое (главный член) с деепричастием на *-тöдз* в составе, но с другим вспомогательным глаголом (Некрасова 2012: 101–107).

Сходство (близость) значений «вербального наречия на *-тöдз* терминативной форме второго вербального существительного» замечалось рядом ученых начиная с XIX в. (Wiedemann 1884: 177; Stipa 1960: 209; Ylikoski 2003: 202). В коми-пермяцком языке терминатив в непространственном употреблении, как отмечает Г.А. Некрасова, «описывает достижение предельного состояния как изменение состояния участника ситуации, переход из одного состояния в другое: *кулöм-öдз* 'до смерти (умер)', *бöрдöм-öдз* 'до слез (заплакал)'. Конкуренцию субстантивным словоформам составляют деепричастия с суффиксом *-тöдз*, которые тоже могут выражать высшую степень действия, выраженного финитным глаголом (Некрасова 2015: 207). В этой связи отмечается также, что «в диахронии деепричастие восходит к терминативной субстантивной словоформе со словообразовательным суффиксом *-т*. Деепричастие и словоформа с показателем терминатива взаимозаменяемы».

Конструкции терминативной формы *м*-ового инфинитива (или *м*-овых отглагольных имен) *-öмöдз* с глаголом *воны*, как и конструкции деепричастия на *-тöдз* с глаголами кз. *воны*, к-п. *локны*, *вовлыны*, встречаются в коми-зырянском и коми-пермяцком языках, однако соотношение употребления и распространения конструкций в языках совершенно разное. В коми-зырянском языке широко распространены конструкции глагола с *м*-овым инфинитивом в форме терминатива и описаны в научной литературе (см. работы В.М. Лудыковой), конструкция с деепричастием на *-тöдз* представляет собой окказиональное явление, обнаруженное в материале по окраинному удорскому диалекту коми языка:

к-з. уд. Важ. *Кино видзöди да, сивтэдз (CONV) вои.*

'Кино смотрел, и запел (букв. пришел до пения)' (УД 1990: 81).

Конструкция указывает на возникновение, начало действия, переход к новому состоянию. В случае замены деепричастия *м*-овым инфинитивом (=м-овым отглагольным именем) в терминативной форме значение конструкции и функциональная нагрузка не изменяются:

Кык друг сьылöмöдз (TERM) воисны: <...>

'Два друга запели' (Попова 1993: 223).

В отличие от коми-зырянского языка в коми-пермяцком частотность использования конструкций глаголов движения *локны*, *вовлыны* с деепричастием на *-тöдз* выше, в то же время встречается употребление конструкций с *м-овым* образованием в терминативной форме, хотя исследователи (Некрасова 2005: 159) отмечают тенденцию вытеснения терминатива (в т.ч. терминативного деепричастия) в коми-пермяцких диалектах послелогом (*вотöдз*), напр., вместо *локтöмöдз*, *локтöдз* 'до прихода' – *локтöм вотöдз* 'тж':

к-п. **Вовліс горзöмöдз** (TERM), *кор сія вöдрус паджсьыліс, пыравліс тупикö.*

'Доходил до плача (т.е. начинал плакать, даже плакал), когда вдруг ошибался, попадал в тупик' (Климов 1974: 265);

к-п. – *Бура мырсим, – баитіс сыборын Ермаков, – но кöдзан плансö тыртім. Кор и горзытöдз* (CONV) **вовлім**, *но мый коліс – керим...* (Канюков В.И. // <http://www.studfiles.ru/preview/3562386>);

' – Тяжело работали, – рассказывал потом Ермаков, – но план посевных выполнили. Когда и плакать начинали (букв. до плача доходили), но что нужно было – сделали';

к-п. <...> *быд коста, көр сія [нывка] казавліс лöньсьöм ыбшарлісь увлань «усьöм», повзьöмувья нельки сьöлöмыс ёткötны дугдывліс – вовліс кулавтöдз* (CONV).

'каждый раз, когда она (девочка) замечала «падение» вниз умолкнувшего жаворонка, от страха даже сердце переставало биться – доходила до потери сознания несколько раз (=даже теряла сознание)' (Фадеев Т.П. // [http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page: 53/](http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page:53/));

к-п. *Эта жö басныс баитсис ны коласын рытись-рыт эшö и неделя, и мöдик сьöрна. Унаись эта коста **вовлісö спориттöдз** (CONV), **видчитöдз, горзытöдз, нельки öтамöд вылö лөгасьтöдз.***

'Этот же разговор повторялся между ними каждый вечер еще неделю и в течение следующей. Много раз за это время начинали (даже) спорить (спорили), ругаться (ругались), плакать (плакали), даже друг на друга обижались' (букв. *доходили до спора, ругани, слез, даже обиды друг на друга*). (Фадеев Т.П. // [http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page: 43/](http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page:43/)).

В сочетаниях, отличающихся семантической целостностью, грамматическое значение сказуемого передается с помощью десемантизированного глагола движения *воны*, *локны*, *вовлыны*, лексическое передает деепричастие. Синтаксическая нечленимость описательных оборотов определяется неполнозначностью глагольного компонента.

По нашим наблюдениям, в предложениях с рассматриваемыми конструкциями ситуации ограничиваются сферой человеческих эмоций, физического состояния, отношений, например, *горзыны* 'плакать', *кулавны* 'те-

рять сознание', *усявны* 'падать', *споритны* 'спорить', *лӧгасьны* 'обидеться' и т.д. Привлечение более широкого контекста обычно обнаруживает предшествующую каузирующую ситуацию, вследствие которой и возникает в качестве ответной реакции действие, выраженное конструкцией глагола движения с деепричастием на *-тӧдз*, например,

к-п. – *Да эг ме сійӧ, тетка, эг нес, – тэрмасьӧмӧн пондӧс дорйисьны зоночкалӧн мамыс. – Тиыг сия менам, нач и нач тиыг. Неделя сьӧрна и крӧшка нянь эшӧ эг адззылӧ. Усялтӧдз вот локтӧс. А усялтӧнныс эшӧ коксӧ вирӧдз дойдӧс* (Фадеев Т.П. // [http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page: 53/](http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page:53/)).

'Да я его, тетка, не била, – торопливо стала оправдываться мать мальчика. – Голодный он у меня, совершенно голодный. Целую неделю крошки хлеба не видели. Вот стал падать' (т.е. перестал на ногах держаться = букв. дошел до падения).

С помощью конструкции более экспрессивно выражается причинно-следственная взаимосвязь между ситуациями (в отличие от «нейтральной» конструкции-эквивалента, который может быть выражен глаголом или глагольно-инфинитивной конструкцией), она призвана усилить, интенсифицировать восприятие ситуации (при переводе предложений с рассматриваемой конструкцией на русский язык и подборе глагольного эквивалента носитель коми-пермяцкого языка, к которому мы обращались, использовал вместе с глаголом усилительную частицу *нельки* 'даже').

Судя по всему, конструкции глаголов действия с *м*-овой глагольной формой (инфинитивом/отглагольным именем) в терминативе и деепричастием на *-тӧдз* имеют общекоми происхождение, однако вследствие конкуренции близких по значению и взаимозаменяемых форм в коми-зырянском языке развитие получила конструкция с *-м*-овой формой отглагольного имени (инфинитива) в терминативе, а в коми-пермяцком параллельно употребляются пока обе конструкции – с деепричастием на *-тӧдз* и *м*-овой формой в терминативе. Деепричастия на *-тӧдз* в рассматриваемых конструкциях коми-пермяцкого языка с неполнозначным финитным глаголом составляют сказуемое, выполняют предикативную функцию, не несут значения добавочного действия. Значит, функции деепричастий на *-тӧдз* в коми-пермяцком языке не ограничиваются сферой второстепенного члена предложения – обстоятельства.

Условные сокращения

Важ. – с. Важгорт Удорского района Республики Коми; *к-з.* – коми-зырянский язык; *к-п.* – коми-пермяцкий язык; *уд.* – удорский диалект коми-зырянского языка; *CONV* – конверб, деепричастие; *TERM* – терминатив (предельный) падеж.

Безносилова Л.М, Сорвачева В.А. Удорский диалект коми языка. – М., 1990. – 283 с.

Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. – Ижевск, 1970. – С. 136–137.

Дубровина З.М. Избранные труды / отв. ред. Н.Н. Колпакова. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2016. – 504 с.

Дубровина З.М., Лудыкова В.М. Некоторые черты исконного родства в синтаксисе прибалтийско-финских и пермских языков (м-овый инфинитив) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – М.: Наука, 1990. – Т. 2. – С. 60–65.

Канюков В.И. Бригадалён юралысь // Öктём проза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562386> (дата обращения 10.2016).

Климов В. Туйсö бöрийö сьёлöм // Пармаын асыв. Бöрийöм коми-пермяцкой проза. – Кудымкар, 1974. – С. 255–290.

Лудыкова В.М. Глагол в предложении коми языка. – Сыктывкар: СГУ, 2012. – 239 с.

Лудыкова В.М. Сказуемое с м-овым инфинитивом в коми языке // Советское финно-угроведение. – 1984. – XX. – № 3. – С. 173–177.

Некрасова Г.А. Альтитерминатив в падежной системе коми-пермяцкого языка // *Linguistica Uralica*. – 2015. – № 3. – С. 202–211.

Некрасова Г.А. Основные линии развития семантической структуры падежей в пермских языках // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов : материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 157–60.

Некрасова О.И. О некоторых конструкциях с деепричастиями на -тöдз, -мön в коми и коми-пермяцком языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 28 (282). – С. 101–107.

Попова Э. Сюрприз // Дзирья öшинь дорын : висьтьяс, повесть. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – С. 222–224.

Фадеев Т.П. Öктём проза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562383> (дата обращения 10.2016).

Цыпанов Е.А. Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция. – Екатеринбург, 1997. – 212 с.

Ylikoski Y. Defining non-finites: action nominals, converbs and infinitives // *SKY Journal of Linguistics* 16. – Helsinki: The Linguistic Association of Finland, 2003. – Pp. 85-237.

Stipa G. Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen. – Helsinki, 1960. – 290 s. – (Memoires de la Societe Finno-ougrienne, 121).

Wiedemann F. I. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. – Revel, 1884.